

М. А. Жиркова, О. В. Капустина

**О ПЕРСОНАЛЬНОМ ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
М. А. ИВАНОВОЙ, УСТАНОВЛЕННОМ ЗА ЗАСЛУГИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ПЕРЕД СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ**

Поступила в редакцию 14.01.2022 г.

Рецензия от 13.02.2022 г.

78

Рассмотрены проблемы персонального пенсионного обеспечения М. А. Ивановой, племянницы Ф. М. Достоевского, предоставленного за заслуги её знаменитого родственника. В качестве основных источников использованы документы хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации пенсионного дела, подтверждающие право племянницы писателя на персональную пенсию за заслуги дяди и содержащие информацию о размерах назначенной пенсии и сроках её выплаты. Исследованные документы в совокупности с нормативными актами и статистическими данными соответствующего периода позволили уточнить обстоятельства назначения пенсии М. А. Ивановой, объяснить установленные размеры выплат и сделать вывод о назначении ей более достойного обеспечения по сравнению с персональными пенсионерами – членами семей участников революционного движения и Гражданской войны (не относящихся к командному составу) и тем более с получателями пенсий на общих основаниях. При этом пенсионные документы определили проблемы, решения которых не найдены: остались невыясненными причины розыска М. А. Ивановой органами социального обеспечения и ситуация с возвратом в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР ее пенсионной книжки в январе 1928 г., то есть за полтора года до официально признанной даты смерти.

The article deals with the problems of personal pension provision of M. A. Ivanova, the niece of F. M. Dostoevsky, granted for the merits of her famous relative. The main information sources are the documents of the pension file stored in the State Archive of the Russian Federation, confirming the right of the writer's niece to a personal pension for the merits of her uncle and containing information about the size of the pension and the payment plan. The studied documents, together with regulatory acts and statistical data of the corresponding period, made it possible to clarify the circumstances of the appointment of M. A. Ivanova's pension, explain the established size of payments and conclude that she was assigned to more decent benefit compared to personal pensioners – family members of participants in the revolutionary movement and the Civil War (not related to the command staff), and even more so with recipients of pensions on a general basis. At the same time, the pension documents identified some unsolved problems: the reasons why the social security authorities searched M. A. Ivanova and why her pension book returned to the People's Commissariat of Social Security of the RSFSR in January 1928, one and a half years before the officially recognized date of death.



Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, племянница Достоевского, Даровое, музей, персональное пенсионное обеспечение, ходатайство о назначении пенсии, пенсионное дело, размер пенсии, пенсионная книжка

Keywords: F. M. Dostoevsky, Dostoevsky's niece, Darovoe, the museum, personal pension provision, application for pension, pension files, size of pension, pension book

Введение

Интерес к личности Ф. М. Достоевского огромен. Не меньшее внимание привлекают судьбы его родных и близких. Свидетельством этого служат подготовленная под редакцией И. Л. Волгина «Хроника рода Достоевского» [24], проводимые с 2006 г. ежегодные конференции «Летние чтения в Даровом», на которых одним из аспектов изучения творчества писателя становятся вопросы, касающиеся его семьи и потомков¹, а также издание журнала «Неизвестный Достоевский», где публикуются новые материалы, связанные с писателем и его окружением.

Данная статья посвящена проблемам пенсионного обеспечения племянницы писателя Марии Александровны Ивановой (1848 – 1929) – дочери его младшей сестры Веры, после революции 1917 г. проживавшей в имении Даровое.

Основной задачей исследования стало изучение истории персонального пенсионного обеспечения племянницы великого писателя с целью уточнения обстоятельств ее жизни в 1920-е гг. Кроме того, на примере Марии Александровны мы попытаемся посмотреть на человека внутри системы, в данном случае – внутри создававшейся системы персонального пенсионного обеспечения, если понимать под системой совокупность правовых, экономических и организационных институтов и норм, имеющих целью предоставление гражданам материального обеспечения за особые заслуги перед республикой. Попутно, анализируя размеры положенной М. А. Ивановой пенсии, попробуем оценить значимость самого Ф. М. Достоевского для молодого Советского государства.

В качестве источников нами использованы документы персонального пенсионного дела о назначении обеспечения за заслуги Ф. М. Достоевского, республиканские и союзные нормативные акты 1920-х гг., разъясняющие тонкости установления, перерасчета и доставки советских персональных пенсий, а также свидетельства современников (письма и воспоминания), содержащие подробности жизни М. А. Ивановой в бытность ее пенсионеркой.

Персональная пенсия М. А. Ивановой была установлена за заслуги ее знаменитого родственника, писателя Ф. М. Достоевского. По существовавшему правилу персональные пенсионные дела именовались по фамилиям лиц, за труды и подвиги которых назначалась пенсия. Соответственно, хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации дело значится как пенсионное дело Ф. М. Достоевского. Оно представляет собой комплект документов, имеющих целью подтвердить право племянницы писателя на персональное пенсионное обеспечение за заслуги

¹ Летние чтения в Даровом // Заповедное Даровое : [сайт]. URL: http://darovoe.ru/publication/summer_reading (дата обращения: 06.09.2021).



ее дяди и содержащих информацию о размерах назначенной пенсии и сроках ее выплаты. В графе «Партийный, революционный, профессиональный и советский стаж» находящейся в деле личной карты Федор Михайлович обозначен как «гордость русской литературы»².

Здесь нужно сказать, что лицевая сторона личной карты из пенсионного дела М. А. Ивановой уже опубликована [12], а факт назначения М. А. Ивановой персональной пенсии по ходатайству Главнауки отражен в работе «Летопись Дарового. XX – начало XXI века» [9, с. 462]. Однако данные публикации являются неполными и не позволяют комплексно оценить все сведения, содержащиеся в рассматриваемом пенсионном деле.

80

Судьбе М. А. Ивановой посвящен ряд научных исследований. В статье «Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе» Г. С. Прохоров, характеризуя период ее жизни в имении Даровое, отмечает: «...сама М. А. Иванова несколько не сомневалась – она находится в имении на основании права частной собственности. Она защищает усадьбу не просто как важный для культуры страны экспонат, но как свое личное владение» [21, с. 186]. Конфликт М. А. Ивановой с даровскими крестьянами рассмотрен в работе этого же исследователя, повествующей об истории музея Достоевского в Даровом [20]. Основные вехи жизни Марии Александровны отражены в «Хронике рода Достоевских» [3].

Российская пенсионная система 1920-х гг.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу источников, необходимо кратко охарактеризовать действовавшую в РСФСР систему пенсионного обеспечения, которая создавалась постепенно, в соответствии с наиболее важными государственными задачами. Так, Первая мировая и Гражданская войны обусловили ввод пенсионного обеспечения для воинов-инвалидов и членов семей погибших; ликвидация неграмотности стала причиной появления пенсий за педагогическую выслугу лет, социалистическая индустриализация – пенсий по старости для рабочих и служащих. С целью оказания материальной поддержки героям революции и Гражданской войны, а также лицам, значимым для молодого Советского государства, внутри общей пенсионной системы была выстроена автономная система персонального пенсионного обеспечения, законодательную первооснову которой заложили три декрета Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР: «О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед Рабоче-Крестьянской Революцией» от 16 июля 1920 г.³, «Об усиленных пенсиях» от 5 декабря 1921 г.⁴ и «О

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 1в.

³ О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед Рабоче-Крестьянской Революцией : декрет СНК РСФСР от 16 июля 1920 г. // Собрание узаконений (далее – СУ РСФСР). 1920. №66. Ст. 300.

⁴ Об усиленных пенсиях : декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. №80. Ст. 697.



персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой» от 16 февраля 1923 г.⁵ Первые два декрета были изданы с целью поддержать в голодные годы Гражданской войны граждан, имеющих заслуги перед рабоче-крестьянской революцией в борьбе с мировым империализмом и в деле социалистического строительства, а также членов их семей. Послевоенный декрет 1923 г. и последующие постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и СНК РСФСР 1928 и 1930 гг.⁶ стали звеньями советской системы привилегий. Также с мая 1928 г. параллельно с республиканским персональным обеспечением начала создаваться система общесоюзных персональных пенсий⁷.

Декрет от 16 февраля 1923 г. распространял право получать персональные пенсии на лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой в области революционной и профессиональной деятельности, а также в области науки, искусства и техники. В случае смерти лица, имевшего право на персональную пенсию, его семье полагалась при одном нетрудоспособном — половина, при двух — две трети, при трех и более — полная пенсия, которую получил или мог бы получить умерший. Статус «персонального пенсионера» наряду с правом на пенсионное обеспечение в повышенных размерах предусматривал возможность пользоваться рядом льгот, в том числе налоговых, и различных преимуществ (первоочередное получение медицинской, лекарственной и протезной помощи).

Исследователи отмечают факт появления института персонального пенсионного обеспечения лиц, имеющих особые заслуги, в период Гражданской войны [4, с. 7], подчеркивая при этом, что «сам термин “особые заслуги” и “заслуги” был достаточно неопределенным» [22, с. 57], и называют главной отличительной чертой персонального пенсионирования периода новой экономической политики (1920-е гг.) существенно повышенные нормы обеспечения данного вида пенсий по сравнению с остальными видами [22, с. 92].

Проблемы назначения пенсии М. А. Ивановой

Мария Александровна, дочь сестры Ф.М. Достоевского Веры Михайловны Ивановой, пианистка, ученица директора Московской консерватории Николая Рубинштейна, около 40 лет преподавала музыку в

⁵ О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой : декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. №15. Ст. 198.

⁶ Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. №56. Ст. 420 ; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. №25. Ст. 325.

⁷ О персональных пенсиях : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. №35. Ст. 315.



женской гимназии Фишер. Она доживала свой век в имении Даровое, которое в 1831 г. купил ее дед — отец писателя Михаил Андреевич Достоевский. Сам Федор Михайлович проводил здесь летние месяцы в течение пяти лет (1832—1836 гг.). Позднее, в 1877 г., в «Дневнике писателя» он написал о Даровом следующее: «Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» [10, с. 172]. В 1833 г. Достоевские расширили имение за счет покупки деревни Черемошня (Чермашня), расположенной неподалеку, а в 1852 г. оно перешло к сестре писателя Вере Михайловне, в замужестве Ивановой, и ее детям. После революции 1917 г. три ее дочери — Юлия, Ольга и Мария — оказались в имении. Юлия Александровна (1852—1924) продолжила заниматься хозяйством [24, с. 697], Ольга Александровна (1863—1941) учительствовала в Черемошне в местной школе, а Мария Александровна в 1918 г. после увольнения из гимназии вернулась жить в Даровое. Как сообщается на сайте Даровского музея, с 1921 г., когда, согласно Декрету об охране памятников природы, садов и парков, Наркомпрос объявил имение национализированным памятником музейно-академического значения, М. А. Иванова становится хранительницей первого музея Ф. М. Достоевского⁸. Но это несколько противоречит архивным материалам, которые приводит в своей статье Г. С. Прохоров, рассказывая об истории создания музея. По его данным, только в мае 1923 г. Мария Александровна обращается с прошением о создании в имении музея и закреплении за ней должности его хранительницы [20, с. 127]. Фактически все это время она живет в усадьбе на правах бывшей владелицы, хотя таковых больше не имеет. С 1923 г. усадьба переходит в ведение Уездного Зарайского краеведческого музея (Умузея)⁹. В. А. Викторovich называет Марию Александровну создательницей в 1920-е гг. в Даровом первого музея Ф. М. Достоевского [5, с. 144], Т. Г. Бирюкова и Г. С. Прохоров — заведующей [3, с. 692; 17, с. 186]. В архивных документах, представленных последним, имеется заявление от 15 августа 1924 г., в котором говорится, что Зарайский отдел охраны музеев и старины назначил ее заведующей [17, с. 216]. Однако авторство этого заявления принадлежит одному из местных жителей — Алексею Ильичу Макарову, входившему в инициативную группу по созданию Культпросвета им. Достоевского, на деле стремившуюся завладеть садом и ограничить нахождение в усадьбе ее бывшей владелицы. Несмотря на то что Макаров настаивал на смещении М. А. Ивановой именно с занимаемой должности, вряд ли его можно считать компетентным в данном вопросе.

Факт официального зачисления Марии Александровны на какую-либо должность вызывает сомнение: любая работа предполагает оплату, тогда как бывшая хозяйка имения заработной платы за исполнение обязанностей заведующей или хранительницы не получала. В письме к Зарайскому археологическому обществу от 19 августа 1924 г. сама Мария

⁸ *Ивановы* // Заповедное Даровое : [сайт]. URL: <http://darovoe.ru/darovoe/history/ivanov> (дата обращения: 06.09.2021).

⁹ Зарайск с 1778 г. — уездный город Рязанской губернии [8, с. 144]. В настоящее время город в Московской области.



Александровна признавала: «...охраняя и поддерживая в порядке усадьбу, я исполняю общественную работу» (цит. по: [17, с. 192]). Впрочем, заменной зарплаты можно считать освобождение от налогов и оставление в ее пользовании части приусадебных земель. В 1926 г. усадьба была передана под начало Губмузея Московского отдела народного образования (МОНО). С 1928 по 1933 г. Даровое являлось филиалом музея Ф.М. Достоевского в Москве: флигель превратили в избу-читальню, в одной из комнат по инициативе директора московского музея В.С. Нечаевой организовали посвященную писателю популярную выставку [1, с. 149].

К моменту передачи усадьбы в ведение Зарайского Умузея М. А. Ивановой было более 70 лет. В опубликованных источниках и исследованиях имеется несколько ремарок по поводу ее пенсионного обеспечения, вернее, сначала его отсутствия, а с 1923 г. — недостаточности. Так, 22 февраля 1919 г. в письме к М.С. Корш Мария Александровна рассказывала следующее: «На всех наложена громадная контрибуция, по несколько тысяч с помещика, а мне позволено ничего не платить. Вы пишете о какой-то пенсии. Я ничего не хлопочу, потому что знаю, что это будет бесполезно. Может быть, в Зарайске обо мне хлопочут. Несколько человек приезжали ко мне, спрашивали о моем финансовом положении, о том, где я служила, что получала и пр. и пр. Я не надеюсь что-нибудь получить» (цит. по: [21, с. 192]). Скорее всего, речь идет о первом заведующем Зарайским уездным музеем И.П. Перлове и заведующем историко-художественным музеем К.В. Морозове, которые действительно ходатайствовали о пенсионном обеспечении престарелой жительницы Дарового.

По мнению Г.С. Прохорова, «будучи педагогом с 45-летним стажем, в соответствии с декретом “Об установлении усиленных пенсий для престарелых и инвалидных педагогов” от 20 января 1921 г. она имела законное право на двойную пенсию, но не получала и обычной» [21, с. 184]. В качестве причины отсутствия пенсионного обеспечения он приводит отрывок из обращения И.П. Перлова в Музейный отдел Главнауки от 5 июня 1923 г.: «Пенсии Иванова не получает никакой и не имеет возможности хлопотать об этом ввиду преклонного возраста, слабости сил и отдаленности от Каширы¹⁰, которая отстоит от Дарового в 42 верстах» [17, с. 200–201]. Однако по поводу законного права на таковую пенсию существуют сомнения. Действительно, декретом 1921 г. «Об установлении усиленных пенсий для престарелых и инвалидных педагогов»¹¹ для педагогических работников, имевших заслуги в деле народного образования, предусматривалось пенсионное обеспечение, удваивавшее пенсионные нормы, установленные Положением о социальном обеспечении трудящихся¹². Согласно упомянутому положению, обеспечению подлежали лица, источниками существования которых являлся только

¹⁰ Кашира с 1796 г. — уездный город Тульской губернии [8, с. 185]. В настоящее время город в Московской области.

¹¹ Об установлении усиленных пенсий для престарелых и инвалидных педагогов : декрет СНК РСФСР от 20 января 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. №6. Ст. 49.

¹² Положение о социальном обеспечении трудящихся : декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. №89. Ст. 906.



собственный труд, без эксплуатации чужого. При этом пособия и пенсии не выдавались лицам, которые, утратив трудоспособность, сохраняли заработок или имели доход, превышающий размер предполагаемой пенсии. Скорее всего, доход от имения все же превышал размер гипотетической пенсии. По данным министра социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицына, в 1923 г. обычная пенсия по инвалидности 2-й группы (для нетрудоспособных граждан, способных себя обслуживать и не нуждавшихся в постоянном постороннем уходе и надзоре) исчислялась в размере 4 руб. 90 коп. [15], соответственно, ее двойное увеличение составляло 9 руб. 80 коп. Наше объяснение подтверждает сама М. А. Иванова, изложив в прошении, направленном 2 мая 1923 г. в Отдел по делам музеев, следующие факты: «несмотря на мои семьдесят лет, я лишена пенсии (как имеющая доходное хозяйство; постановление Тульского губсовета, объявленное мне в Кашире). Между тем я всю жизнь жила собственным трудом — учительницей музыки, сбережений никаких не имею и пользуюсь крестьянским наделом только на себя лично (половина десятины). Мой возраст заставляет меня обрабатывать этот надел наймом» (цит. по: [17, с. 191]). Использование найма при обработке надела в тот момент могло расцениваться как эксплуатация чужого труда, что также лишало М. А. Иванову права на пенсию.

Летом 1923 г. И. П. Перлов и К. В. Морозов предпринимают попытку добиться для Марии Александровны пенсионного обеспечения, напрямую обратившись к наркому просвещения РСФСР А. В. Луначарскому, так как именно Анатолий Васильевич приложил серьезные усилия, чтобы включить Ф. М. Достоевского в пантеон признанных советским государством русских классиков. В своей речи на торжестве в честь столетия со дня рождения писателя он сказал: «Достоевский — социалист. Достоевский — революционер! Ему в величайшей мере присуща мысль, что люди должны построить себе новое царство на земле. Этот идеал рая на земле, гармонической жизни в полном смысле этого слова опять-таки в полной мере присущ Достоевскому. Поэтому Достоевский не мог не ощущать на себе гнета самодержавия и всех ужасов зла, греха и преступления, тесно спаянных с ним. И Достоевский знал, что есть только один путь преодоления самодержавия — путь революционный» [14, с. 209].

Ходатаи сообщили А. В. Луначарскому, что парк при имении Даровое покойного писателя Ф. М. Достоевского вследствие его историко-художественной ценности признан неприкосновенным памятником природы. При этом они подчеркнули, что «Зарайский Умузей весьма озабочен в настоящее время действительной охраной не только парка в имении “Даровом”, но и всей усадьбы писателя Ф. М. Достоевского, и обеспечением проживающей в усадьбе в бедственном положении родной племянницы, 75-летней старушки Марии Александровны Ивановой, и поддержанием в порядке дома, в коем в детстве Ф. М. Достоевский проводил летние месяцы, получал свои лучшие и первые впечатления от природы и от общения с крестьянами с. “Дарового” (Тульск<ой> г<убернии>, Каширского у<езда>, Спасо-Журавлинской в<олости>) и о коем он сохранял все самые лучшие воспоминания. Установлено, что образ Елизаветы



Смердящей в “Братьях Карамазовых” и мужика Марeya взяты писателем из местных жителей с. Дарового. Писатель любил усадьбу, дом, парк и собственноручно насадил деревья там, уцелевшие до сих пор. Ф.М. Достоевский завещал своим родным всячески охранять и не продавать этот его любимый уголок»¹³.

Конкретные просьбы музейных работников заключались в следующем: «Назначить племяннице писателя, Марии Александровне Ивановой, денежное вспомоществование или субсидию ввиду ее бедственного материального положения, тем более что Иванова, около 40 лет прослужившая учительницей музыки в б<ывшей> жен<ской> гимназии Фишер, не в силах заниматься каким-либо трудом, не имеет какого-либо обеспечения или пенсии, лишена поддержки родных и проживает только благодаря участию и поддержки своей бывш<ей> прислуги и редкой помощи некоторых знакомых»¹⁴. Кроме этого они просили «выдать, если возможно, М. А. Ивановой соответствующий документ об освобождении ее от разных налогов, кои она безусловно не может вносить»¹⁵, а также средства на ремонт, содержание и охрану усадьбы, в том числе «объявить неприкосновенным, кроме парка, также всю усадьбу и фруктовый сад (на 4 десят<ины>) и прикрепить к усадьбе возможное количество пахотной земли из бывшей при имении, дабы обеспечить содержание и охрану имения»¹⁶.

Жизнь на пенсию

Итогом ходатайства И. П. Перлова и К. В. Морозова стало назначение М. А. Ивановой с 1 сентября 1923 г. персональной пенсии. Декретом СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. размер персональных пенсий определялся в пределах до двойной высшей тарифной ставки ответственных советских и профессиональных работников по местожительству лица, получающего пенсию. Пенсию племяннице Ф. М. Достоевского исчислили в размере $\frac{1}{2}$ тарифной ставки 17-го разряда ответственных работников¹⁷. Согласно Правилам об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР, утвержденным декретом СНК РСФСР от 17 июня 1920 г.¹⁸, оплата всех рабочих и служащих как государственных, так и частных предприятий, учреждений и хозяйств производилась по тарифам, утверждаемым народным комиссариатом труда (НКТ). При установлении тарифов во внимание принимались время, необходимое для полного усвоения профессии, вредность и опасность условий, в которых производится работа, тяжесть работ, а также степень ответственности за их выполнение.

¹³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 7, 7 об., 8.

¹⁴ Там же. Л. 8–8 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Общее положение о тарифе (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР) : декрет СНК РСФСР от 17 июня 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. №61–62. Ст. 276.



Декретом ВЦИК от 3 июня 1920 г.¹⁹ ответственные политические работники были распределены на пять разрядов, при этом к пятому, высшему разряду относились Президиум и члены Всероссийского центрального исполнительного комитета, Совет народных комиссаров, Президиум Высшего совета народного хозяйства, члены Коллегий Народных комиссариатов, члены Исполнительных комитетов Советов Петрограда и Москвы, члены Коллегий всероссийских учреждений, комиссары всероссийских учреждений. Кроме этого, тариф политических работников делился на три группы по производственному принципу: к первой группе тарифа относились ответственные политические работники районов с развитой промышленностью; ко второй группе — работники полупромышленных районов; к третьей группе — работники непромышленных районов. В 1922 г. в РСФСР была введена общая для всех работников 17-разрядная тарифная сетка. Ответственные работники, от членов ЦК до секретарей ячеек крупных предприятий, помещались в интервале от 17-го до 12-го разряда включительно, технические работники и вспомогательный персонал — от 11-го до 1-го.

На момент назначения пенсии М. А. Ивановой размер тарифной ставки ответственного работника 17-го разряда района с развитой промышленностью, к которому относились и Тульская, и Рязанская губернии, составлял 75 руб. Соответственно, его половина равнялась 37 руб. 50 коп. Для сравнения можно привести примеры назначенных в этом же 1923 г. персональных пенсий жителям Владимирской губернии, данные о которых имеются в нашем распоряжении. Владимирская губерния также являлась районом с развитой промышленностью. Пенсии аналогичного размера ($\frac{1}{2}$ тарифной ставки 17-го разряда ответственных работников, или 37 руб. 50 коп.) были назначены А. С. Кисариной, вдове милиционера-коммуниста, пропавшего без вести на Деникинском фронте (на пенсию содержались мать коммуниста 1860 г. р., две дочери и сын)²⁰, и А. П. Смольновой, вдове партийного организатора, в квартире которого до революции работала подпольная типография, также погибшего в бою с деникинцами (на двоих детей)²¹. Пенсии в размере $\frac{1}{4}$ тарифной ставки 17-го разряда ответственных работников (18 руб. 75 коп.) выплачивались школьной работнице С. Е. Ястребовой²² и матери убитого черносотенцами известного революционера М. И. Лакина, именем которого впоследствии назовут небольшой город во Владимирской области²³.

В следующем, 1924 г. размер пенсии М. А. Ивановой уменьшился. В своем письме к М. В. Волоцкому от 17 августа 1926 г. она сообщила: «Я получаю персональную пенсию имени дяди Ф. М. Достоевского в

¹⁹ О тарифе ответственных политических работников : декрет ВЦИК от 3 июня 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. №53. Ст. 231.

²⁰ Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 250. Л. 1—7.

²¹ Там же. Д. 261. Л. 1.

²² Там же. Д. 328. Л. 1—4.

²³ Там же. Д. 259. Л. 1—7.



сумме 30 р. ежемесячно. Первый год она была определена в 37 р. 50 коп., а на второй почему-то сбавили» (цит. по: [23]). Д. Стонов считал, что пенсия была «снижена после доноса А. И. Макарова в Музейный отдел МОНО в 1924 г.» [23] (вероятно, речь идет о заявлении от 15 августа 1924).

Однако донос в данной ситуации не сыграл какой-либо роли. Изменение размера пенсии в 1924 г. произошло совсем по другим причинам. В первой половине 1924 г. в советском государстве была проведена денежная реформа, в ходе которой совзнаки (советские рубли) были заменены связанными с золотом червонными рублями (червонцами). Согласно постановлению НКТ СССР «Об изменении норм пенсий и пособий по социальному страхованию и о червонном исчислении» от 5 февраля 1924 г.²⁴, пенсии перевели в червонные рубли и копейки по курсу червонца. Понижение норм пенсий допускалось с разрешения Центрального управления социального страхования НКТ СССР. Вместе со страховыми пенсиями были перерасчитаны и персональные, которые частично покрывались за счет фондов социального страхования. Таким образом, в результате денежной реформы 1924 г. пенсия М. А. Ивановой вместо 37 руб. 50 коп. в совзнаках стала выплачиваться в размере 30 червонных рублей. Аналогичные перерасчеты пенсий со снижением их размеров до 30 руб. произвели и проживавшим во Владимирской губернии А. С. Кисариной и А. П. Смольновой.

Установление Марии Александровне персональной пенсии тем не менее всех проблем не решило: «...жить на 30 р. невозможно. Ни сада, ни земли, ничего <нет?>. Из этих денег я плачу прислуге, летом на дрова (½ сажень на кухню) 10 р., а зимой придется сажень 20 р. Сейчас у меня остается 12 р. на нас двух: прислуга и я, а 6 р. на душу немислимо» (цит. по: [21, с. 185]). Трудности с отоплением подтверждает и Д. Стонов: «Родная племянница Федора Михайловича, 75-летняя Мария Александровна Иванова, на зиму удирает в Чермашню к сестре своей, 70-летней Ольге Александровне, сельской учительнице. Для того, чтобы отопить дом, потребовалось бы 8 сажень дров, а 8 саж<еней> дров стоят 100 рублей. Денег этих у М<арии> А<лександровны> нет. Мария Александровна получает персональную пенсию... 30 рублей в месяц. В состоянии ли она отапливать этот памятник старины? Конечно, — нет!» [23]. Для сравнения: в марте 1928 г. в докладе на II Сессии ВЦИК XIII созыва нарком социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицын сообщил, что средняя норма персональной пенсии составила 55 руб. в месяц, в то время как средние нормы пенсий по инвалидности 2-й группы на 1 апреля 1927 г. равнялись 14 руб. 37 коп., а пенсии по случаю потери кормильца для семей военнослужащих — 14 руб. 21 коп. [15]. При этом «по всей промышленности средняя заработная плата рабочего в червонных рублях... составляла в 1925 г. — 46,4 руб., в 1926 — 52,5 руб., 1927 г. — 56,0 руб. ...Зар-

²⁴ Об изменении норм пенсий и пособий по социальному страхованию и о червонном исчислении: постановление НКТ СССР от 5 февраля 1924 г. № 48/509 // Известия НКТ СССР. 1924. № 6—7.



плата служащих всех учреждений и предприятий: в 1925 — 61,6 руб., в 1926 — 81,5 руб., в 1927 — 87,6 руб.» [7, с. 179]. Сегодня ситуация с пенсионным обеспечением племянницы Ф. М. Достоевского выглядит весьма печально, однако на фоне российской действительности второй половины 1920-х гг. она была вполне приемлемой.

Прекращение выплаты пенсии

88

Далее следует рассмотреть вопрос о состоянии здоровья М. А. Ивановой, чтобы разобраться с имеющимися в пенсионном деле документами о прекращении выплаты ей пенсии. Г. С. Прохоров приводит сведения о том, что «в октябре 1924 г. резко ухудшается состояние здоровья Ивановой. <...> Между тем М. А. Иванову перевозят в Чермашню» [20, с. 129]. Видимо, вскоре ей удалось поправиться. М. В. Волоцкой сообщает: «При посещении Дарового в июле 1925 г. я застал М. А. Иванову довольно бодрой и для ее преклонного возраста хорошо сохранившейся. Насколько сохранились ее физические силы, можно было судить по тому, что в 1924 г. она, по ее словам, могла проходить расстояние от Дарового до Каширы (42 версты) в течение одного дня» [3, с. 691]. По свидетельству В. С. Нечаевой, «на зиму сама Мария Александровна уезжала в соседнюю Черемошню, к сестре, которая там учительствовала: отопить даровской домик зимой ей было не по средствам с ее пенсией» [3, с. 692]. Вскоре, однако, у Марии Александровны начались более серьезные проблемы со здоровьем. Д. Стонов рассказывает об этом так: «Сельсовет, чтобы выживать М. А. Иванову из дома, отказывал ей в выделении дров или создавал условия, при которых получение последних становилось крайне затруднительным. Тем не менее переезд в Черемошню, открывавший возможность объявить дом и усадьбу бесхозным имуществом, осуществлялся далеко не каждую зиму и ненадолго. Из письма О. А. Ивановой к В. С. Нечаевой от 21 февраля 1927 г.: «Зимой довести ее до Зарайска нельзя, т<ак> к<ак> она болеет недержанием мочи. Да кроме того она уже зимы три не выходит на воздух» (цит. по: [23]).

Ольга Александровна писала 18 июня 1929 г. из Дарового в Московский отдел народного образования: «Ввиду того, что сестра моя, Мария Александровна Иванова, настолько плохо себя чувствует, что можно сказать, что дни ее сочтены, прошу Губмузей известить меня, имею ли я право проживать хотя некоторое время после ее смерти в нашем доме... Прослужив учительницей 29 лет, последние годы в с. Черемошне, я теперь инвалидка 2-й группы с 20 рублями пенсии, так что при теперешних условиях жизни на эти средства трудно проживать. С 25-го года мы жили вместе с сестрой. Она получает 30 рублей персональной пенсии. За последние годы ноги ее постепенно отказывались служить и пришлось держать прислугу для ухода за ней. Последние месяцы она уже не встает с постели и заметно слабеет. Прошу Губмузей выслать мне документ на право прожития в доме, хотя бы до тех пор, пока я не подыщу себе какого-нибудь другого места жительства» (цит. по: [18]). Отметим, что пенсию в размере 20 руб. в месяц в 1925–1929 гг. получали оставившие работу учителя начальных школ, которые имели 25 лет педагогического



стажа, в том числе не менее 5 лет при советской власти²⁵. Просьба учительницы о разрешении продолжать жить в доме в Даровом не могла быть удовлетворена, так как в 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах»²⁶. Действие нормативного акта не распространялось на лиц, имеющих особые заслуги перед союзными республиками, отмеченных постановлениями советских исполнительных органов, к числу которых можно отнести и Марию Александровну как получающую персональную пенсию за заслуги Ф. М. Достоевского. Ольга Александровна, фактически находившаяся в таких же родственных отношениях с великим писателем, не имела на руках подобной «охранной грамоты».

Итог информации о состоянии здоровья персональной пенсионерки подводит письмо О. А. Ивановой к В. С. Нечаевой от 6 июля 1929 г.: «С пятницы на той неделе у М<арии> А<лександровны> началось гангрено<з>ное воспаление на почве закупорки кровообращения на почве склероза. Со вторника начались пролежни с громадными нарывами. Разложение такое, что в комнате у ней, несмотря на открытые окна, не просидишь и 10 минут» (цит. по: [11, с. 5]).

Итак, согласно письмам Ольги Александровны, последние годы М. А. Иванова из-за проблем с ногами практически все время проживала в Даровом. Единственное место, куда гипотетически получательница персональной пенсии могла переехать, это деревня Черемошняя, где жила и учительствовала ее сестра. Однако из переписки О. А. Ивановой видно, что именно она вернулась в Даровое ухаживать за Марией Александровной. Всем в округе это было известно.

Таким образом, документально подтверждено, что с 1925 г. сестры совместно жили вместе именно в Даровом, получали пенсии, принимали посетителей (В. С. Нечаеву, Д. Стонова, М. В. Волоцкого и т. д.). Тем не менее в пенсионном деле Марии Александровны имеется письмо (рис.) некоего сотрудника Зарайского краевого музея (подпись неразборчива), по-видимому заместителя директора или исполняющего его обязанности (на бланке перед обозначением должности заведующего стоит косая черта). Письмо направлено в адрес Центральной комиссии по назначению персональных пенсий и пособий при НКСО РСФСР (исходящий № 15 от 20 января 1928 г.; входящий № 400 от 23 января 1928 г.): «Препровождая при сем книжку-удостоверение персонального пенсионера № 2080 на Иванову Зарайский музей сообщает, что последний к таковой никакого отношения не имеет, а также Музею безызвестно, где таковая проживает»²⁷. Письмо приобщено к пенсионному делу 25 января 1928 г. Что интересно, на письме сделана пометка о Даровом как о последнем адресе.

²⁵ О пенсионном обеспечении учителей школ 1 ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 января 1925 г. // СЗ СССР. 1925. №3. Ст. 32.

²⁶ О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах : постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 марта 1925 г. // СЗ СССР. 1925. №21. Ст. 136.

²⁷ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 2.

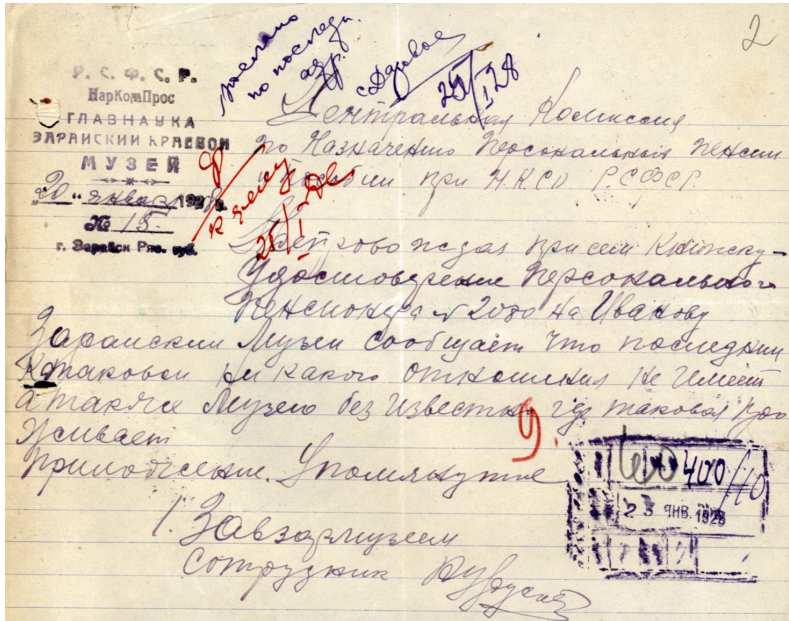


Рис. Письмо о пенсионной книжке М. А. Ивановой

Здесь необходимо пояснить, что в молодом Советском государстве пенсионная книжка не только подтверждала статус пенсионера, но и являлась единственным документом, на основании которого производилась выплата пенсии. Для пенсионных книжек устанавливалась единая нумерация, они выдавались под расписки. Все потерянные или испорченные пенсионные книжки, а также книжки, по которым выплата прекращалась (смерть пенсионера, судимость с лишением пенсионных прав и т.п.), подлежали специальному учету. Значимость пенсионной книжки для персональных пенсионеров была прописана в постановлениях СНК РСФСР: в июле 1930 г. подчеркивалось, что «пенсия выдается по предъявлении пенсионером соответствующего удостоверения, выдаваемого комиссией по назначению персональных пенсий (пенсионной книжки)»²⁸; в апреле 1933 г. пенсионные книжки названы «единственным документом, удостоверяющим право их владельца на установленные законом льготы и преимущества»²⁹. Аналогичные нормы существовали для пенсионеров-рабочих, получавших пенсии через страховые кассы³⁰.

²⁸ О нормах персональных пенсий и единовременных пособий, порядке их выплаты и источниках средств на выдачу этих пенсий и пособий : постановление СНК РСФСР от 19 июля 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. №34. Ст. 437.

²⁹ Об изменении и дополнении Положения об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой : постановление СНК РСФСР от 10 апреля 1933 г. // СУ РСФСР. 1933. №38. Ст. 141.

³⁰ О введении единой пенсионной книжки : циркуляр НКТ СССР от 17 ноября 1927 г. №361 // Известия НКТ СССР. 1927. №52.



Возвращение номерного документа в НКСО в январе 1928 г. свидетельствует о том, что пенсия Ивановой больше не выплачивалась, льготы не предоставлялись, соответственно, она или осталась без государственной материальной поддержки, или умерла. Но мы, по свидетельству О. А. Ивановой, знаем, что пенсионерка прожила до июля следующего, 1929 г. и продолжала получать пенсию. Тогда возникают вопросы: на основании какого документа эти выплаты осуществлялись и почему в деле могло появиться такое письмо из Умузья? По складывавшейся в те годы практике, если пенсионер не получал пенсию в течение шести месяцев (иногда года), выплату его пенсии (направление денежных средств в выплачивающее учреждение) приостанавливали, пытаясь выяснить причину этого. Поступление официального письма в НКСО в январе 1928 г. означало, что пенсию М. А. Иванова перестала получать примерно с июля 1927 г. или даже с начала 1927 г. и органы социального обеспечения приняли меры к ее розыску. Конечно, сотрудник Зарайского музея лукавит: чтобы установить место нахождения старушки, достаточно было обратиться в Даровской сельсовет или в правление местного колхоза им. Достоевского, тем более что на письме от 20 января 1928 г. Даровое помечено как последний адрес. Во всяком случае, кто-то передал ему пенсионную книжку Марии Александровны. Просто так изъять подобный документ у живого человека было нельзя. Утрата пенсионной книжки создавала для пенсионера большие проблемы, прежде всего требовалось за свой счет дать об этом объявление в газетах. Однако какие-либо сведения об утрате и последующем восстановлении данного документа в письмах и воспоминаниях очевидцев отсутствуют.

Попытка выяснить вопрос о том, каким образом М. А. Ивановой доставлялись пенсионные суммы, успехом не увенчалась. С момента создания института персональных пенсий в 1923 г. они выплачивались органами социального обеспечения по месту жительства (губернские и уездные собесы), однако в декабре 1926 г. было издано постановление СНК СССР «О порядке выплаты персональных пенсий, назначенных органами союзных республик»³¹, которым было предписано выплачивать пенсии через местные сберегательные кассы. В 1924 г. Мария Александровна пишет сестре: «Милая Оля, пока все благополучно. Сегодня кончили уборку дома, стало очень хорошо. Жить здѣсь пока хорошо, все мнѣ дѣлають, и я ни о чемъ не забочусь. Завтра (въ четвергъ) пошлю къ Сретенскому за пенсией, а то у меня нѣтъ ни гроша» (цит. по: [12, с. 422]). Какое отношение Сретинский, зарайский доктор, знакомый семьи Ивановых [12, с. 423], имел к получению племянницей Достоевского пенсии, сказать сложно. Возможно, ему выплачивали деньги в Зарайском собесе по доверенности М. А. Ивановой. Был ли в 1927 г. племянницей Достоевского открыт пенсионный счет в сберкассе, тоже неизвестно.

Продолжаем задавать вопросы. Может ли дата смерти М. А. Ивановой (июль 1929 г.) быть неверной? В письмах Ольги Александровны стоит именно 1929 год. В личной карте пенсионного дела М. А. Ивановой

³¹ О порядке выплаты персональных пенсий, назначенных органами союзных республик : постановление СНК СССР от 21 декабря 1926 г. // СЗ СССР. 1927. №2. Ст. 23.



имеется запись: «Снять с п/п за неистребованием с 1 августа 1938»³², то есть через десять с половиной лет после письма сотрудника Зарайского музея. Сведения о дате смерти и в личной карте, и в других документах хранящегося в ГАРФ пенсионного дела отсутствуют. Сомнение в датировке смерти Марии Александровны высказывает Т.Г. Бирюкова, считая, что это событие произошло еще раньше, в 1926 г. Она обосновывает свое предположение тем, что после посещения в том году усадьбы Даровое директор московского музея В.С. Нечаева отметила, что дом остался практически пустой. У исследователя возник вопрос: «Не правда ли, трудно представить, чтобы вещи из дома забирали при живой хозяйке?..» [2].

В.С. Нечаева о первой поездке в Даровое в 1925 г. писала: «Если летом сюда приезжали ее младшие сестры, то на зиму сама Мария Александровна уезжала в соседнюю Черемошню, к сестре, которая там учительствовала: отопить Даровской домик зимой ей было не по средствам с ее пенсией, а потому там топились только кухня, где жил сторож» [16, с. 292]. Во вторую поездку в 1927 г. она пишет о Марии Александровне как о «старухе с сестрой», «больной старухе», которой «тяжело не только расстаться с привычным жильем, но и лежать в непосредственном соседстве в крохотном домике с приходящими и уходящими чужими людьми» [16, с. 295] — речь идет о крестьянах, требовавших освободить часть дома и постройки, что, собственно, и произойдет после ее смерти.

А.С. Подъяпольский также пишет, что после смерти М.А. Ивановой «музей в Даровом был упразднен, в усадьбе была открыта сельская библиотека, при которой в разные годы находилась литературно-мемориальная комната Достоевского» [18, с. 202]. Г.С. Прохоров называет точные даты существования музея — со 2 мая 1923 по 9 июля 1926 г. [17, с. 188]. Была ли каким-то образом его деятельность связана с состоянием здоровья или даже смертью хозяйки усадьбы, неизвестно. М.В. Волоцкой [6, с. 199], а вслед за ним и авторы главы, посвященной потомкам Веры Михайловны Достоевской в «Хронике рода Достоевских», Н.Н. Богданов и Е.В. Новожилова, называют точную дату смерти Марии Александровны — 13 июля 1929 г. [3, с. 688]. В качестве подтверждения этого факта в комментариях к статье А. Дроздова «Усадьба Достоевского: “Даровое”» Г.С. Прохоров ссылается на вышеупомянутое письмо О.А. Ивановой от 6 июля 1929 г., направленное в адрес В.С. Нечаевой, хранящееся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки [11, с. 4].

Как кажется, вопрос не в датировке смерти (примем ее датировку июлем 1929 г. за факт), а в том, где и на какие деньги жила Мария Александровна последние 1,5–2 года. По письмам ее сестры выходит, что жила она в Даровом и получала пенсию, но тогда почему основной пенсионный документ Марии Александровны оказался в чужих руках? Почему сотрудник Зарайского музея, не являясь заинтересованным лицом, отказывается уточнить место нахождения пенсионерки? Нелояльность работника Умузея можно объяснить передачей музея-усадьбы Ф.М. Достоевского в другое ведомство. Однако факт закрытия пенсионного дела в 1938 г. в связи с неистребованием пенсии с 1928 г. при имеющихся све-

³² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 1в об.



дней о последнем адресе настораживает. И еще один вопрос: почему Ольга Александровна не сообщила в органы социального обеспечения о смерти своей сестры? Персональным пенсионерам могло быть выплачено пособие на погребение.

Таким образом, пенсионные документы, ранее позволившие дать объяснение некоторым фактам из «пенсионной биографии» племянницы Ф. М. Достоевского, неожиданно породили вопросы о ее местонахождении в 1927 – 1929 гг. и причинах ее розыска органами социального обеспечения.

Заключение

93

Подводя общие итоги, можно сказать, что факт назначения наиболее престижной в РСФСР пенсии племяннице Ф. М. Достоевского говорит о признании молодым Советским государством заслуг писателя. Это подтверждает сама риторика документов пенсионного дела. В ходатайстве Главнауки и выписке из протокола заседания Центральной комиссии по назначению персональной пенсии М. А. Иванова обозначена как «родная племянница гордости русской литературы»³³.

Важно обратить внимание на следующее: в декрете о персональных пенсиях от 16 февраля 1923 г. право на обеспечение предусмотрено для самого заслуженного лица, а в случае его смерти для членов семьи. По сложившейся практике к членам семьи относились иждивенцы умершего кормильца: нетрудоспособные жены и родители, а также несовершеннолетние дети, реже нетрудоспособные (несовершеннолетние) братья и сестры. В постановлении 20 мая 1930 г. эта практика была закреплена. Однако для лиц, чьи заслуги были признаны наиболее выдающимися, в том числе известных за пределами Советского государства, круг претендентов на пенсионное обеспечение был расширен и вопрос об иждивении, то есть получении от умершего на момент его смерти денежного содержания, являвшегося для будущего пенсионера основным доходом, даже не поднимался. Пенсии получали имевшие ранее доходы от профессиональной деятельности внук и внучатая племянница А. С. Пушкина, внучки Л. Н. Толстого и Н. Г. Чернышевского, племянник М. И. Глинки и т. д. [13]. В этом же ряду стоит и племянница Ф. М. Достоевского.

Исходя из размера получаемой родственницей писателя персональной пенсии можно рассчитать гипотетическую пенсию самого Ф. М. Достоевского: в соответствии с декретом от 16 февраля 1923 г. максимальный размер персональных пенсий определялся в пределах до двойной высшей тарифной ставки ответственных работников, при этом на одного члена семьи полагалась $\frac{1}{2}$ пенсии умершего. Соответственно, в 1923 г. Федору Михайловичу могла быть назначена полная персональная пенсия в размере тарифной ставки ответственного работника 17-го разряда, то есть 75 советских руб. (совзнаков), а в 1924 г. – 60 червонных руб., что выше озвученной в 1928 г. на Сессии ВЦИК министром НКСО И. А. Наговицыным средней нормы персональной пенсии, равной 55 руб. в ме-

³³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 4, 5.



сяц, но ниже предусмотренного февральским декретом максимума в 140 совзнаков (120 червонных руб.). Впрочем, если бы речь на тот момент шла о пенсии прямого потомка писателя, возможно, ее размер был бы выше.

Исследованные источники также предоставили возможность с нового ракурса взглянуть на судьбу родственницы Ф. М. Достоевского, уточнить обстоятельства назначения ей пенсии. Пенсионные документы в совокупности с нормативными актами и статистическими данными соответствующего периода позволили объяснить размеры выплачиваемой М. А. Ивановой пенсии и сделать вывод об установлении ей более достойного обеспечения по сравнению с персональными пенсионерами — членами семей участников революционного движения и Гражданской войны (не относящихся к командному составу) и тем более с получателями пенсий на общих основаниях.

Советская система персональных пенсий предоставила Марии Александровне материальное обеспечение, защитила ее как бывшую помещицу от выселения из усадьбы. Среди положительных качеств самой системы нужно отметить ее гибкость, позволившую своевременно отреагировать на проведение денежной реформы 1924 г., и постепенное расширение за счет встраивания в ее структуру Сберегательного банка в качестве доставщика пенсий. Однако ряд фактов указывает и на ее несовершенство: во-первых, отсутствие доставки пенсий на дом, в том числе в сельскую местность (договоры с почтой будут заключаться с конца 1920-х гг.), и, во-вторых, недоработанность схем поиска пенсионеров (в результате некомпетентных действий система потеряла в лице М. А. Ивановой получателя пенсии).

В заключение необходимо отметить, что пенсионные документы определили проблемы, решения которых не найдены. Осталась невыясненной ситуация с возвратом в НКСС РСФСР пенсионной книжки М. А. Ивановой в январе 1928 г., то есть за полтора года до официально признанной даты ее смерти в июле 1929 г.

Список литературы

1. Бессонова А. С. К вопросу о концепции Музея-Заповедника «Даровое» // III Летние чтения в Даровом : матер. науч. конф. (26–28 августа 2011 г.) / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2013. С. 149–176.
2. Бирюкова Т. Г. Каким быть музею в Даровом. С. 117. http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/birukova_kakim.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
3. Богданов Н. Н., Новожилова Е. В. Ветвь Веры Михайловны, по мужу Ивановой // Хроника рода Достоевских. Родные и близкие: Историко-биографические очерки / под ред. И. Л. Волгина. М., 2012. С. 671–857.
4. Братановская М. С. Правовая организация управления социальным обеспечением в СССР в довоенный период (1918–1941 гг.) // История государства и права. 2010. №19. С. 5–9.
5. Викторovich В. А. Умереть в России // III Летние чтения в Даровом : матер. науч. конф. (26–28 августа 2011 г.) / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2013. С. 133–146.
6. Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. 1506–1933. М., 1933.



7. Головин А. С. Имущественная дифференциация доходов населения в СССР в 20–30-е гг. XX в. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 177–186.
8. Города России : энциклопедия / гл. ред. Г. М. Лаппо. М., 1998.
9. Дементьева Т. Н., Богословская И. А., Максимова Л. И. Летопись Дарового. XX – начало XXI века // Даровое Достоевского. Материалы и исследования / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна, 2021. С. 359–494.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 25. Л., 1983.
11. Дроздов А. Усадьба Достоевского: («Даровое») // Известия Центрального исполнительного комитета ССГ и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. М., 1924. № 253 (2283). [Републ. текста и коммент. Г. С. Прохорова] // Заповедное Даровое : [сайт]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/droz dov_usadba_darovoe.pdf (дата обращения: 06.09.2021).
12. Зевалд Ю. А. Имение Достоевских второй половины XIX – начала XX в. (по переписке семьи Ивановых) // Даровое Достоевского. Материалы и исследования / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна, 2021. С. 389–424.
13. Капустина О. В. Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 2. С. 404–420.
14. Луначарский А. Достоевский как художник и мыслитель // Красная Новь. М.; Петроград, 1921. № 4. С. 204–211.
15. Наговицын И. Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. 1928. 31 марта.
16. Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского: (Общение с потомками писателя. У истоков позднейших книг и исследований) // Достоевский: материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985. С. 274–295.
17. Переписка с Главмузеем и Кашинским Уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому / подгот. текста, коммент. и вступ. ст. Г. С. Прохорова // А. П., Ф. Д. и В. В. : сб. науч. тр. к 60-летию проф. В. А. Викторovichа. Коломна, 2010. С. 183–228.
18. Подъяпольский А. С. Из истории Дарового // Ф. М. Достоевский в диалоге культур : матер. междунар. науч. конф. (25–29 августа 2009 г.) / сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2009. С. 196–202.
19. Прохоров Г. С. Говорили, что сын барина большим человеком стал. Не может, гражданин, быть, чтоб у этакого отца такой сын был: к вопросу об идеологической аранжировке в тексте о Даровом в 1920-х годов. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/govorili_budto.pdf (дата обращения: 06.09.2021).
20. Прохоров Г. С. Из истории музея Ф. М. Достоевского в Даровом или о споре хозяйствующих субъектов в 20-е годы // Летние чтения в Даровом : матер. междунар. науч. конф. / сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2006. С. 127–130.
21. Прохоров Г. С. Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе // III Летние чтения в Даровом : матер. науч. конф. (26–28 августа 2011 г.) / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2013. С. 179–193.
22. Сивакова И. В. Пенсионное законодательство в России в советский период (1917 г. – 1928 г.). М., 2015.
23. Стонов Д. Сельцо Даровое. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/stonov_selco_darovoe.pdf (дата обращения: 06.09.2021).
24. Хроника рода Достоевских. Родные и близкие: Историко-биографические очерки / под ред. И. Л. Волгина. М., 2012.



Об авторах

Марина Анатольевна Жиркова — канд. филол. наук, доц., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Россия.

E-mail: manp@mail.ru

Ольга Владимировна Капустина — канд. ист. наук, Государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Владимирской области, Россия.

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

The authors

Dr Marina A. Zhirkova, Associate Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg, Russia.

E-mail: manp@mail.ru

Dr Olga V. Kapustina, State institution — Department of the Pension Fund of the Russian Federation in the Vladimir region, Russia.

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru